

* * *

Памяти Н.А. Пархоменко

Я подарю на память дождь.
Нет, не со зла, не по ошибке.
Пусть образ мой, как капли, зыбкий
Родит не грусть, не смех, не дрожь.

Собой напомним слабый дым,
Что меж берёзами трепещет.
Но не тоски дарю я клещи,
А ясность тихую воды.

Скользнут по воздуху черты
Шуршащих капель быстротечных.
Но память, как надежда, вечна,
Как непрерывность запятых.

Знак, не упрямый, как стрела,
А мягко лёгший полукружьем.
Я без защиты, без оружия.
Запомните, не помня зла.

Шероховато о себе

Живу я неловко,
бугристо и колко,
Как будто во мне
ощетинились ёлки.

С обмолвкой, с запинкой,
со скрюченной спинкой
Я мимо, не с вами –
какой-то тропинкой.
На жизненный праздник –
без толка, без шёлка –
Сквозь трещины, щели
просвет из-под чёлки.

Дышу – так украдкой.
Метанием шатким
Себя я бросаю
по миру с оглядкой.

Рождается резко
уменья сноровка.
Я разом вдали –
и штриховкой нечёткой.
Я вмиг ускользаю
подводною лодкой
К себе в глубину –
в тихий домик мой кроткий.

Я мимо шмыгну –
невидимкой-походкой –
Быстрее к стене,
к козырьку, к остановке.
Рывком с поводка
и с рычанием робким –

А можно, я вдруг подарю
Хвоинок лесной привет?
Я словно бы заново мир творю.
Такого в помине нет.

Распахнуто утро, хоть нет дверей,
И звонок, как бубен, лес.
Как сердце моё, прозвенит кипрей,
И солнце споёт окрест.

Я счастье в руках хоть сейчас принесу.
Возьму суперлёгкий вес!
И в нём, как в прозрачном моём лесу,
Без счёта свободных мест.

А знаешь, сколько созвучий в реке по-
утру,
Мелодий в речном песке?
... А можно, боясь тебя, спрячусь в глухую
нору –
Одна с одиночеством, мир не деля ни с
кем?

* * *
Пристань ко мне, как к пристани суда,
И окунься в забвение морское.
Я зыбь надежд, тревоги и покоя,
Для нежных душ хранилище добра.

Не отставай, как ласка от руки.
Не отлипай, как от растенья почва.
Я островом приду когда-то после,
Когда отвыкну от былой тоски.

* * *
По свежести весны скользья
И погружаясь в мир глубокий,
Найди несказанные строки,
Что для тебя хранит Земля.

Как шалы нервы по весне!
Как можешь, ты изменяешься.
В нечаянности попадаешь
Из половодья в жухлый снег.

Пока шагает март, бери
Всё от ветров и мокрых веток,
От песен, птицами не спетых.
Не мёрзни у огня крови!

Так у весны заведено:
Смелы апрельские хватки –
От гибели снегов до шатких
Сердец, разбуженных весной...

А чтоб не показалось вдруг:
Рок оскудил, ополовинил –
Мечтаний хворост в кровь подкинешь,
Не опалив души и рук.

Вот май сгибается в луку.
Сомкнёт кольцо – и будет финиш.
Пока его ты милость видишь,

Лови невзятую строку!

Из почек, сбрызнутых дождём,
Из воробьиного веселья,
Из лужиц, что прозрачным днём
Не водоёмы – просто мели.

Из душ, бездонных, как вода,
Из слёз и терпких поцелуев.
Из одиночества, когда
Иной исход тебя минует.

* * *

Прощанья с летом горько-сладкий яд
По каплям август отпускает здешний.
... А с дерева в последний листопад
Последней каплей лист сорвался в веч-
ность.

* * *

И той, что только отзвучала,
И той, которая вдали –
Приходит музыка печали
Как жизнь пронзительной любви.

* * *

Осень. Чувств перелётных кочевье.
Их просторы гулки и свежи.
И, как яблоки с тихих деревьев,
Осыпается тяжесть с души.

Станция Сокур

Электричке по равнине топать,
Мир пронзать весёлою стрелой.
Станция с названием странным Сокур
Почему-то помнится порой.

Здесь берёзам пёстрым нету меры,
Здесь простое по домам житьё.
Всё бы просто. Всё бы чёрно-бело,
Если б не название её.

В нём и ропот, и неясный клёкот,
Смутная тревога и гроза.
В нём же – сокол. Горделивый сокол.
Финист-сокол, ясные глаза.

Электрички не смолкает топот.
Монотонный и унылый край...
Друг мой неизвестный, будь мне сокол!
Знаешь, что? Скорее прилетай!

Из своих земель далёких сонных,
Где, наверно, сказки забытё,
Прилетай, прекрасный и огромный,
Принести небывшее моё.

Здесь июли резкие от молний,
Жгучий снег и тёплый иван-чай.
А плохого, Бог с тобой, не помни.
Знаешь, что? Совсем не замечай!

Небеса одной не надо трогать:
Ветер в высоте и зол, и лих.

Всё же руки, словно крылья, дрогнут,
Словно перья выросли на них.

В слове «Сокур» звуков-сил резервы
Сжаты в гул тяжёлый громовой.
В нём и атакующий, и первый
Сокол, высь пронзающий собой.

Электричке по равнине топать,
Через ширь, как в цель, нестись стрелой.
Станция с названьем странным Сокур
Помнится и помнится порой.

* * *

Надрываясь в терзаниях неугасимых,
Что о судьбах России, о прошлом Аляски,
Вы спросили,
Сколько в мире живёт одиночеств?
Сколько их, полных сил и бессильных,
Бессловесных, беззвучных,
Безответных, безмолвных,
С душой некрасивой,
Недокормленных лаской,
Таких несчастливых,
Обречённых на вымыслов жгучие краски,
С горлом, комьями полным,
С огромностью комнат?

Не запомнить, не вспомнить –
А надо бы помнить.
... Не могу больше. Кончены были и
сказки.

* * *

На заре одинокой, январской, нервной,
Где по мне, уходящей куда-то,

Память-след затаится на свете –
Пусть невзрачный, несмелый,
Как жизни щепоть, небольшой, –
Встанут строго и будут присутствовать
сосны –
Робки и тревожны –
С чёрной, хвойной, шершавой и,
может быть, доброй душой.

И потом, уходя, будут скорбны,
как вдовы.
Будет медленным, тягостным их караван.
Вид их траурный, тёмный и, может,
суровый...
И без них опустеют просторы полян.

Так и будут идти – до последней опушки,
До последнего края далёких лесов.
Знаю, надо бы слышать – а буду ли
слушать? –
Хор их странных, древесных, глухих
голосов.

Пусть по мне пропоют... Буду видеть и
слышать,
Как звенят меж столбов провода января,
Как полны январём люди, улицы, крыши,
Как засмотрится в вечность пустая заря.

Знаю: ладно, не надо... Хотя – что мне
эти запреты!
И, сорвавшись с себя, я рванусь
к январю.

Пусть меня остановит грядущее лето.
А пока, словно в жизнь, я влюбляюсь
в зарю.